

Альбина БОРБАТ

Альбина Борбат родилась в 1973 году в Игарке. Училась на факультете искусствоведения и культурологии КГУ. Живет в Красноярске. Публиковалась на сайте «Сетевая словесность».

Синхрон

рощи не взять знаешь единым планом
кадры неряшливо склеены сцеплены кое-как
но говорить о монтажном принципе немного странно
не ты владеешь им не тебе и списывать пленку в брак

ты выходишь затем чтобы он тебя отрезвил и выправил
эти неловкие склейки против соскальзывания в автоматизм
стараний по бюджету чтобы ни единого имени в титрах и
только эти объемы воздуха манифестации памяти на пути

горизонталь ствола отдельного довлеет мелкой моторике
ветра лепящего лепечущего некий болезненно желтый куст
двадцать или тридцать шагов и на этот ритм наложен
брандмауэр в питерском дворике
крыса резвящаяся в мусорном баке как охотящийся мангуст

я думаю это наложение маркирует что-то вроде обморока
невыносимого ожидания куста проступившего целиком
на тридцать шагов до крупного плана тебе не хватает воздуха
куст нужен срочно как на пожаре емкость с песком

куст гасит удушье и давление нужно стравливать
поэтому – в серое небо на расходящиеся по нему
ветки эти векторы разнонаправленные
рассеивающие яд от укусов этих «зачем» «о господи» «почему»

Невемайнд

всё пространство сна
вдается в чей-нибудь сон
какие-то пики конкретики или невнятицы
рука в перчатке

и строка – зазеркалье слышимости
с её глумливыми или возвышенными двойниками
ртутными озерцами
и поверхностным натяжением
фразы

может показаться
что мир есть теснина языка
и память событие языка

или вдруг: текст — это контекст

всё что угодно

Линзы

когда начала подбирать слова
в этих поворотах —
линзы —
растение апельсиний открытый преломится

если можно говорить так
зачем говорить как-то ещё
если свет — хлеб
если живое пьет свою тень
и краски не блекнут
на плодах под марокканским солнцем
как это знали фовисты

когда начала себя оплакивать
в счастливом ступоре различив

ВБОК

рост размыкается и — тень
ну а теперь смотри
белка о рыжем своем хвосте
себя не перемудрит

растение — беличий станок
о беличем станке

а это скок куда-то вбок
без факела в руке

БЫТЬ

— есть емкое русское слово «юрод»...
— знаю знаю ну что ты мама
я простыни расписал как Хоан Миро
эллипсами и крестами

я знал — это будет звучать так
ты будешь смотреть и голуби порхнут
когда весь в разводах синих
я выйду к мусорным бакам сияние расточать
разгораться ворохом
из слов и махов
и надо мной целая осень будет молчать

как любящий перед прахом

мама я ждал ее и я ждал себя
я был вложен в нее как пружина
за тех кто смотрит сквозь нас
за тех кто спят —
живут словно жуют резину

кого нам стыдно мама
мы одни
я делал свою работу — быть
это светло и ловко
мама ложись ты усни поспи
я на кухне тихонечко как полевка

снеговал и пульс частит
на одышливых часах
восемь ты меня прости
не умею написать

не сумела ни строки
не тебе за столько зим
только на одной ноге
дым по воздуху скользил

Лист

достаточно осознать что ты покойник
и жизнь налаживается
уже не важно идешь ли ты куда послали
или идешь куда позвали
ты можешь испытать множество эмоций
и все они будут как рябь на воде при слабом ветре
ты пишешь стихи словно составляя остов
избегаешь деталей
воображение и опыт — это пространство и
оно тебе не принадлежит
ты только напоминаешь себе о том
что оно возможно

пиши и помни
что самый маленький камушек
стыда или укоризны
притопит тебя так
что воды будет по края
а небо все равно будет держать ладони ковшом над тобой
словно ты чистый лист

Елена

когда говоришь о нелюбви люди замыкают слух
сорок лет отрицания и брезгливости
к городу в котором живешь
я уже не умею иначе

меня потрясает и завораживает способность
отрицать очевидное
если кто-то говорит о нелюбви – это не вся история
зрелая уже сорокалетняя нелюбовь
и никогда она не будет достаточно сильна
чтобы хоть как-то приблизиться к пятилетнему ребенку
с его маленькой Святой Еленой
сестрой
островом

мой голос останется раздраженным
и раздражающим
голосом не способной к ассимиляции беженки
различившей уже
где ее вечная ссылка
а где место захоронения

Реверберацио

снеговал на улице дичайших
лезвий не почувствуешь почти
времени сиртаки / черный ящик
заливает музыка настил

в сумереки вывернут кошмары
и потемки вывихнут – гляди –
твой не обязательно кустарный
и не отменяет ни один

От потемок

неявное движение в маленьких канальцах
шлюзах колбочках лимфы воспоминаний
иначе как свету преламываться добираться
до хрусталика
человек от потемок он не устанет

смотреть и не видеть ни дерева ни цветка
катая по извилинам «цветок» и «дерево»
и обрывать откусывать от мотка
что-то высчитывая что-то вымеривая

но отчего-то потемкам нужно совсем чуть-чуть:
звука запаха сбивки недоумения
непреднамеренности способной разомкнуть
затершееся слово и – увидеть растение

человек от потемок в фасетках пляшущей стрекозы
наживленный на этот неразменный опыт
слово «быть» тянет за букву «ы»
волоча его в потемках через субои

Ножницы

бог у благодарности на краю
облачка проплывают над буквой «ю»

в распадах слов двусложные души их
пойди попробуй растение растени
легче неба достигнуть и гад морских
чем эти ножницы развести

так и нечем дыхание разомкнуть
и в распадок ныряет сердце седым – седым
и выныривает беспмятный отрок юн
неизменно радостным и пустым

там освободительное зияние нас насти –
гает и всё – дурачок с письмом –
и несешь затем что прочитать не смог
радуйся дурачок тебя уже не спасти

Речь

так разрежен воздух
что речь не искрит и не греет
она в пограничье быть внятной
едва зарождаясь
не будучи обращенной
не веря что кто-то услышит
бормочет не остывая
почему-то еще живая

с каждым могло случится
отвалился кусок пространства
в котором не сомневался
а с ним обломилось время
наверное кто-то умер
так думаешь – кто-то умер
но не вполне уверен
в смерти своей и смотришь
в разлом и он тебя опаляет

речь продолжает себя продляет
на разломе разрастается белый ягель
карликовые кусты березы
солнце не заходит
радужка речи темнеет
оттого что себя исчерпать не в силах
она бы кого-нибудь попросила
но все ей кажется кто-то умер
зуммер только тревожный зуммер
смеет в этих молочных сумерках смеет
сокращать побуквенно до «скажи»
тонкий болезненный жгутик речи
словно императив исполним
без наречий
это – «скажи навстречу»
ужас и гул
речь – больше ничего не умею
речь – ничего не могу